

К МЕТОДИКЕ ВЫЯВЛЕНИЯ И СТРАТИФИКАЦИИ ЛИНГВО-ЭТНИЧЕСКИХ СЛОЕВ НА ЮГЕ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

(По данным древней топонимии)

За последнее десятилетие в нашей литературе появилось немалое число работ, специально исследующих принципы анализа субстратной топонимии (А. П. Дульзон, Б. А. Серебренников, А. К. Матвеев, А. И. Попов, В. А. Никонов и др.). Некоторые из этих проблем были предметом особого обсуждения на заседаниях данного симпозиума (см. доклад А. К. Матвеева. — Настоящий сборник, стр. 192 и сл.). Сказанное в известной степени оправдывает стремление уклониться здесь от постановки общих вопросов и по мере возможности быстрее перейти к рассмотрению интересующей нас проблематики, поскольку при стратификации конкретных лингво-этнических слоев как раз более частные принципы и серия рабочих приемов существенно разнятся в зависимости от географического района, набора языков, отразившихся в топонимии, степени сохранности субстратных языков, характера источников, хронологических рамок восстанавливаемой лингво-этнической картины.

Однако на одной общей проблеме хотелось бы остановиться подробнее, а именно: в каких отношениях находится методика этимологии в топонимии к методике этимологии обычной лексики? Кажется, что в такой категорической форме этот вопрос никем ранее не ставился.

Вместе с тем его важность очевидна, так как этимология, несомненно, является краеугольным камнем любой топонимической работы, ставящей себе задачу по реконструкции какого-то древнего состояния. Эту мысль прекрасно иллюстрирует очень строгая в методическом отношении новая монография О. Н. Трубочева «Названия рек Правобережной Украины» (М., 1968).

В решении некоторых экстралингвистических задач на топонимическом материале (этапы заселения, этническая картина, этнические связи и т. п.) диахроническая стратификация (resp. идентификация) неизменно оказывается главной составной частью исследования. В то же время она является конечным результатом целого ряда чисто лингвистических процедур, как-то: 1. Фонетического и морфологического (resp. формантного) анализа, с учетом характера и степени адаптации субстратного или субсуб-

стратного топонима, точнее — совокупности топонимов; 2. Лингвогеографического (ареального) анализа топонимических формантов, основ, лексем при желательном картографировании; 3. Установления исходного (соотносимого) апеллатива в языке создателей данного слоя или родственных ему; 4. Определения структурно-типологического облика; 5. Выявления типа семантической мотивации (принципа топонимической номинации объекта, по А. К. Матвееву) — все это в итоге приводит к этимологии топонима и составляет, по нашему мнению, сущность методики топонимической этимологии, во всяком случае субстратной. Не трудно заметить, что, вопреки довольно распространенному взгляду¹, такое понимание процесса этимологизации в области топонимии в целом мало чем отличает ее от методики современной этимологии обычной лексики² с ее преимущественным интересом к выявлению цельнолексемных и морфемно-словообразовательных соответствий и непререваемым учетом лингвогеографических моментов³. В этом плане особенно показателен лексико-этимологический анализ географических терминов, часто выступающих в функции топонимов⁴. Меняются скорее количественные пропорции и только некоторые качественные акценты отдельных компонентов исследования. В этимологии (субстратного) топонима на передний план, например, выдвигаются формантная классификация и пространственный аспект.

Разумеется, речь не идет о полной адекватности, так как отсутствие лексического значения у имени собственного кладет печать определенного и яркого своеобразия на любые исследования из области ономастики. Кроме того, если семантика обычной лексемы в большинстве случаев известна, то в топонимике это, за небольшим исключением, величина искомая. Однако и этот пробел в топонимии нередко восполняется более однозначной и наглядной связью с объективными чертами реалий (особенности ландшафта, фауны и флоры); в названиях населенных пунктов, областей и других нелинейных объектов (реже линейных)

¹ См.: Б. А. Серебряников. О методах изучения топонимических названий. — ВЯ 1959, № 6, стр. 45; А. К. Матвеев. Некоторые вопросы лингвистического анализа субстратной топонимии. — ВЯ 1965, № 6, стр. 3 сл.

² Ср. ту же мысль: А. П. Дульзон. Вопросы этимологического анализа русских топонимов субстратного происхождения. — ВЯ 1959, № 4, стр. 37 сл.; В. Тапшчик. Место ономастики среди других гуманитарных наук. — ВЯ 1961, № 2, стр. 7.

³ К современному пониманию задач этимологии обычной лексики см.: О. Н. Трубачев. Этимологический словарь славянских языков. Проспект. Пробные статьи. М., 1963; Он же. О составе праславянского словаря. (Проблемы и задачи). — «Славянское языкознание» (Доклады Советской делегации. V Международный съезд славистов). М., 1963, стр. 159 сл. и др. его работы.

⁴ См. «Местные географические термины в топонимии. Тезисы докладов и сообщений». М., 1966.

наблюдается связь с этнонимами и именами лиц и богов⁵. Практически исследователь в поисках соотносимого апеллатива и при определении внутренней формы (семантики) топонима опирается на разнообразный, но все же достаточно ограниченный набор возможных семантических моделей (геср. типологических универсалий) в каждом отдельном разряде топонимической лексики, что в известном смысле можно приравнять к семантико-типологическим универсалиям обычной лексики, столь желательным при ее этимологизации. Здесь топонимическая этимология приобретает даже известные преимущества: к этому добавим еще географическую приуроченность топонима, частую датировку фиксации, архаичность формы и т. п.

Следует подчеркнуть, что выше везде речь шла об этимологизировании как совокупности методических приемов, а не об этимологии как предмете (цель, задачи) исследования каждого конкретного слова (топонима и апеллатива) или группы слов. Что касается задач этимологического анализа субстратной топонимии, с одной стороны, и обычной лексики, особенно субстратной, — с другой, то по отдельным пунктам они значительно более расходятся, хотя при пристальном рассмотрении и эти расхождения оказываются не так существенны. Можно пойти дальше и провести сопоставления предмета исследования топонимической и обычной этимологии на основе следующей идентификации: этимон — производящая основа имен нарицательных на различных хронологических уровнях ~ апеллатив — производящая основа топонимов⁶.

Приведенные выше соображения позволяют, кажется, высказать мнение, что в данном случае мы имеем дело не с различными видами этимологии, а с различными сферами применения этимологии как лингвистической дисциплины, занимающейся происхождением и историей слов и обладающей некоторой суммой единых методологических требований. Под этим углом зрения топонимия предстает в качестве одного из разрядов лексики, подобно названиям растений, животных, терминам географического рельефа и т. п., имеющим, наряду с общими закономерностями этимологического анализа, свои более частные методические приемы, вызванные специфическими особенностями данного круга лексики; ср. доклад Г. Якобссона (наст. сб. стр. 32).

Необходимо также отметить, что в определенных случаях этимология обычной лексики входит органическим компонентом в этимологию топонима, оказываясь завершающим этапом исследований на топонимическом уровне. Так, определение лингвоэтнической принадлежности субстратной топонимии, реконструк-

⁵ Подробнее см. об этом в докладе А. К. Матвеева на данном симпозиуме. — Наст. сб., стр. 192.

⁶ Ср.: А. К. М а т в е е в. — ВЯ 1965, № 6, стр. 10.

ция исчезнувших языков по топонимическим реликтам, что представляет собой по преимуществу этимологическую задачу, может быть достигнуто как правило только путем этимологизации апеллатива, соотносимого с топоосновой, и топоформантов (суффиксов или детерминативов) в рамках обычной лексики. В ряде случаев вообще затруднительно провести строгое разграничение между топонимической этимологией и апеллативной. В качестве примера можно привести этимологию догреч. $\pi\acute{\omicron}\rho\gamma\omicron\varsigma$, предложенную А. Хойбеком, хотя в некоторых отношениях она сама по себе не безупречна. В противовес гипотезе Вл. Георгиева о «пеласгском» происхождении упомянутого слова, непосредственно возводимого им к и.-е. **bhrgh-* (нулевая ступень и.-е. **bhergh-*), Хойбек выдвинул мысль о заимствовании греками $\pi\acute{\omicron}\rho\gamma\omicron\varsigma$ и $\pi\acute{\epsilon}\rho\gamma\alpha\mu\omicron\nu$ из анатолийского, по его терминологии, — «западнохеттского», догреческого индоевропейского субстрата. Это соображение основано у Хойбека прежде всего на этимологической изолированности $\pi\acute{\omicron}\rho\gamma\omicron\varsigma$ и $\pi\acute{\epsilon}\rho\gamma\alpha\mu\omicron\nu$ в пределах Балканского п-ова и их соотносительности с большим числом малоазийских топонимов и хеттских апеллативов: при двух названиях в Греции ($\Pi\epsilon\rho\gamma\alpha\sigma\acute{\eta}$, $\Pi\acute{\epsilon}\rho\gamma\alpha\mu\omicron\nu$) или, в крайнем случае, трех (если считать город на юге Элиды $\Pi\acute{\omicron}\rho\gamma\omicron\varsigma$ унаследованным от догреческого населения, что сомнительно), в Малой Азии имеется 11 топонимов и 5 личных имен, восходящих к тому же и.-е. **bhrgh-* и сопоставимых в свою очередь с хет. *parku-* 'высокий' и т. д. К ним необходимо добавить еще лувийский иероглифический этникон *pargawana-*, по всей вероятности, унаследованный от раннеанатолийского состояния⁷.

Напротив, соображения ареального порядка в определенной степени снижают вероятность весьма заманчивой интерпретации греч. Ἰαττικὸς , более раннее Ἰατικὸς ⁸, в качестве производного от анатолийской теоформной основы **Akta-*, ср. кар. *Акта-υσσωλλος*, *Καρ-υσσωλλος*, *Μα-υ(σ)ωλλ(λ)ος*; к переходу *kt > tt* ср. крит. $\text{Λύττος} < \text{Λύκτος} =$ хет. *Lukkata-* (НМ в стране *Lukkā*⁹), ср. еще хет. ḪIŠlutta 'окно', вероятно, от основы *luk(k)-* 'hell werden, tagen'¹⁰. Главное возражение заключено в том, что основа *Акτ(α)-* широко представлена в чисто греческой топонимии, соотносимой с греч. $\acute{\alpha}\kappa\tau\acute{\eta}$, дор. $\acute{\alpha}\kappa\acute{\alpha}$ 'крутой берег моря, реки; мыс; коса; полуостров'¹¹. Впрочем, греческий апеллатив * $\acute{\alpha}\kappa\tau\iota\kappa\acute{\omicron}\varsigma$ (производное от $\acute{\alpha}\kappa\tau\acute{\eta}$) как

⁷ А. Н е у б е с к. Praegraeca. Erlangen, 1961, стр. 63 сл. — Слабость гипотезы Хойбека — в отсутствии основы с корневым *ur < и.-е. r* в топонимии и апеллативной лексики на территории Анатолии.

⁸ А. F i s k. Vorgriechische Ortsnamen. Göttingen, 1905, стр. 13.

⁹ Более подробную трактовку здесь и большинства далее приводимых примеров см. в моей монографии «Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова» (М., 1967).

¹⁰ Хеттский пример перехода *kt > tt* любезно сообщен мне Вяч. Вс. Ивановым.

¹¹ V l . G e o r g i e v . La toponymie ancienne de la péninsule Balkanique et la thèse méditerranéenne. Sofia, 1961, стр. 13.

будто не засвидетельствован, что в совокупности с приведенными выше фактами существенно увеличивает правдоподобие анатолийской этимологии догреч. Ἀττική, к чему мы надеемся еще возвратиться специально.

Теперь перейдем к изложению конкретной проблематики, указанной в заглавии доклада.

В силу исторически сложившихся обстоятельств диахроническая стратификация лингво-этнических слоев всегда была основной целью исследований субстратной и субсубстратной догреческой топонимии и апеллативной лексики (Паули, Кречмер, Фик, Хейли, Шахермайр, Георгиев и его последователи, Палмер, Хойбек). Стратификационные схемы, с одной стороны, естественно, зависели от степени изученности древних языков восточного Средиземноморья (языки Балканского п-ова и древней Анатолии), с другой стороны — от методики, реализуемой в каждом конкретном исследовании.

Необходимость в обсуждении некоторых методологических принципов и критериев диахронического изучения топонимии указанного ареала вызывается отсутствием желаемого единства в методике исследований, усугубленного характерными особенностями фактической базы: одновременность античных письменных свидетельств с разрывами подчас в несколько сот лет (Гомера и Стефана Византийского отделяют почти 20 веков), различная степень адаптации субстратных топонимов, разной в способах передачи туземных названий средствами греческого языка периода фиксации и, пожалуй, главное — фрагментарность или полное отсутствие знаний об апеллативной лексике языков восточного Средиземноморья, за исключением греческого, — в таких условиях лишь исключительная строгость методической стороны исследований может в известной степени оградить от различного рода произвольных построений, которыми столь богата история изучения языков догреческого субстрата.

1. Поскольку диахроническая схема лингво-этнических слоев может быть построена лишь на сравнительно-исторической основе, необходимо максимально равномерное обследование топонимии всей подлежащей изучению территории и смежных областей с обязательным формантным анализом, сопровождающимся картографированием топонимов по формантам, в качестве процедуры, предваряющей собственно этимологический анализ. Выявленные при этом топонимические общности (по основам, фономорфологическому составу и т. п.) укажут ареалы, с которых в первую очередь следует брать материал для исследования. По отношению к топонимии юга Балканского п-ова таким районом явилась, во-первых, древняя Анатолия, особенно ее западная часть; во-вторых, центрально-восточный ареал Балканского п-ова (древняя территория расселения фракийских племен), на что указывает, кроме прочего, дистрибуция -υδ-образований.

2. Омонимия топонимических суффиксов в языках Средиземноморья, их вторичная продуктивность и т. д. ограничивают возможности формантного анализа для целей диахронической стратификации. Более маркированными в этно-лингвистическом аспекте оказываются результаты этимологического исследования топонимических (resp. ономастических) основ или цельных лексем, относящихся к географическим ареалам, близость которых предварительно обоснована.

3. Опираясь на тезис о гетерогенности догреческих лингвоэтнических слоев, включая гетерогенность промежуточного слоя индоевропейского субстрата, отправной точкой для стратификации целесообразно избрать слой анатолийского, resp. индоевропейского, происхождения, наиболее конкретно выявляемый из сопоставлений догреческой топонимии с топонимической и апеллативной лексикой хеттолувийских языков. Как уже упоминалось, оба историко-географических ареала характеризуются массовым тождеством топооснов и почти полной идентичностью топонимических формантов, соотносимых, сверх того, со словообразовательными элементами обычной лексики туземных языков Анатолии. Преимущества такого подхода совершенно очевидны, поскольку тем самым этимологический анализ южнобалканской субстратной топонимии, со всеми вытекающими последствиями, хотя бы на начальном этапе, ставится на конкретную почву фактов из языков этнических групп—потенциальных создателей одного из слоев догреческого субстрата.

В то же время Вл. Георгиев, выдвинув тезис относительно обособленности среди других индоевропейских языков так называемого «пеласгского» языка, образующего, по его мнению, однородный догреческий индоевропейский субстрат, открыл широкое поле различного рода произвольным этимологиям, для которых индоевропейские корни, собранные в словарях Вальде и Покорного, являются почти единственной опорой и критерием достоверности. В работах Карнуа, частично в трудах самого Георгиева и других представителей его школы подобная исследовательская практика сплошь и рядом приводит к абсурдным построениям (см., например, недавние работы Ван-Виндекенса, Мерлингена, Хааса).

Наличие ресурса анатолийской ономастической и апеллативной лексики делает, на наш взгляд, исследования догреческого субстрата в известных пределах даже более перспективными по сравнению с реконструкцией иллирийского, фракийского и некоторых других реликтовых языков, когда почти полное отсутствие сохранившейся апеллативной лексики на этих языках вынуждает восполнять пробел внешними по отношению к исследуемому языку лингвистическими фактами, сопоставляя имена собственные с апеллативами практически из любых индоевропейских языков, с последующим обращением все к тем же корням

Вальде—Покорного (см. работы Г. Краэ и особенно А. Майера; ср., напротив, труды И. Хубшмида по дороманскому субстрату в северо-западном Средиземноморье — Пиренеи, Альпы с примыкающими областями, где широко реализуется возможность привлечения субстратных апеллативов из современных языков и диалектов соответствующего района).

4. Выявляя анатолийский слой, следует отдавать предпочтение догреческим топонимам, основы которых засвидетельствованы не только в греческих передачах малоазийских географических названий, но и в топонимической и апеллативной лексике анатолийских туземных письменных памятников, например: догреч. Πήδασος—кар. Πήδασα/ος, Πηδάλιον, килик. Πηδαλιη—хет. *Petašša*—хет. *peda* 'место'; догреч. Παρνας(σ)ός—кап. Παρναςσος—анат. (возможно, лув.) *Parnašša*—хет. *parn-*, *pir-*, лув. *parna-*, лид. *bira-* 'дом', лик. **prnna-* 'строить'; догреч. Κασταλία—килик. Κασταλία—хет. (кап.) ЛИ *Ḥaštali*—хет. **ḥaštali-* 'герой'; догреч. Λυκαονία, Λύκαιον, Λυκαία—м.-аз. *Luḫia*, *Luḫaonia*—хет. *Lukkā*, лув. **Lu(w)-*, лув. иер. ЛИ *Lu-hi(a)*—хет. *luk(k)-* 'становиться светлым, светать', лув. *luḫa-* 'свет?' и т. д. Столь строгий подход к материалу прежде всего предохраняет от включения в сферу исследования топонимических догреческо-малоазийских тождеств, возникших либо в результате активной эллинизации Малой Азии, начавшейся еще в последней четверти II тысячелетия, либо вследствие далеко идущей адаптации туземных малоазийских названий.

5. Одним из наиболее желательных условий привлечения апеллатива для сравнения, кроме семантических критериев, служит его употребление в функции топонимической основы или детерминатива, см. вышеприведенные примеры; напротив, истинность сопоставления крит. *Καρνησόπολις*—кар. 'Αλικάρναςσος с лув. иер. *harnasa* 'крепость'¹² сведена до минимума не только по соображениям географического (см. ниже, пункт 6а) и хронологического порядка (апеллатив засвидетельствован лишь в текстах VIII в. до н. э.), но и потому, что данная апеллативная основа ни в какой форме не нашла отражения в ранне- и позднеанатолийской туземной ономастике. Ср. также некоторые сопоставления в статьях Э. Лароша¹³.

6. Выбор наиболее правдоподобных этимологических решений из числа возможных в значительной мере, иногда же целиком, зависит от данных лингвогеографического анализа:

а) Распространенность топонимической основы по всему восточному средиземноморью, если это не вызвано позднейшими этно-лингвистическими процессами, исключает по большей части греческую, хеттолувийскую и «пеласгскую» этимологию и может

¹² G. H u x l e y. *Crete and the Luwians*. Oxford, 1961, стр. 29.

¹³ E. L a r o c h e. *Notes de Toponymie Anatolienne*. — «ΜΝΗΜΕ ΧΑΡΙΝ. GS P. Kretschmer». Wien, 1957, стр. 1 сл.; Он же. *Études de toponymie anatolienne*. — RHA, XIX, 69. Paris, 1961, стр. 57 сл.

говорить в пользу доиндоевропейского происхождения: *Lar- (догреч. Λάρισσα и др.) встречается, кроме Греции, в Малой Азии, на Апеннинском п-ове, Фракии; *Karn- (догреч. Καρνησσόπολις и др.), кроме Греции, — в Малой Азии, Иллирии; *Teb-, Thēb-: Tab-, Tar- (в догреч. Θῆβαι, Θήβη и др.), кроме Греции, — в Малой Азии, Иллирии, на Апеннинском п-ове, Сицилии. Индоевропейские этимологии указанных основ, предложенные Вл. Георгиевым, малоубедительны¹⁴.

б) Возможность греческой и «пеласгской» этимологии как правило исключается наличием в азиатской туземной топонимии основ, диахронически идентичных южнобалканским (потенциально догреческим), и скорее говорит об азиатском происхождении. Так, *Mux- в ю.-балк. Μυχήναι, Μυχαλήσ(σ)ός, Μυκώνη вряд ли от чисто греч. μύχαι 'грибы', как, вопреки общепринятому мнению (Шантрэн, Краэ и др.¹⁵), думает Вл. Георгиев¹⁶, или от μύχης 'угол, вершина; крышка'¹⁷, ср. кар. Μυχαλήσ(σ)ός, горы в Ионии Μυχάλη = Μυχώ. Маловероятно соотношение ю.-балк. гидронима Τερμησσός < *Τελμησσος с греч. τέλμα, -ατος 'стоячая вода, болото, низина; глина'¹⁸; ср. Τελμασσός — река в Киликии, города в Кари, Ликий; Τελμισσος — гора в Кари; Τελμηρσιας — гора в Ликии; обращает на себя внимание фактмены r:l в южнобалканском топониме — явление, распространенное в ранне- и позднеанатолийских языках. Вл. Георгиев рассматривает ю.-балк. Πύρανθος < догреч. *(s)pūra-wanth- в качестве топонима «пеласгского» происхождения и возводит его к и.-е. *(s)pūro-wont-, корень которого отражен в греч. πυρός, дор. σπύρός 'пшеница', лит. pūrai 'озимая пшеница' и т. д.¹⁹ Трудно отделимое от данного догреческого названия фесс. Πύρασος он, видимо, непосредственно соотносит с греч. πύρος²⁰. Не говоря уже о неправильности разделения указанных южнобалканских названий, необходимо прежде проанализировать отношения, особенно первого к анат. (лув.?) Puranda, ср. догреч. Λύχανθος — кап. Λυχανθος и др., и кар. Πυρινθος. Вл. Георгиев считает также приведенный в пункте 4 догреч. анат. топоним Πήδασος чисто греческим и соотносит с греч. πήδᾶω 'прыгать', совершенно не учитывая азиатские параллели²¹.

¹⁴ Vl. Georgiev. La toponymie ancienne... , стр. 13 (относительно *Lar-, *Thēb-); Он же. Die altgriechischen Flussnamen. Sofia, 1958, стр. 26 (относительно *Karn-).

¹⁵ P. Chantraine. La formation des noms en grec ancien. Paris, 1956, стр. 206; H. Krahe. Sprache und Vorzeit. Heidelberg, 1954, стр. 146; A. Fick. Vorgriechische Ortsnamen. Göttingen, 1905, стр. 81, 128.

¹⁶ Vl. Georgiev. Die altgriechischen Flussnamen, стр. 44.

¹⁷ W. Rapp-G. Benseler. Wörterbuch der griechischen Eigennamen, II. Nachdruck der 3. Aufl. Graz, 1959, стр. 1510.

¹⁸ Vl. Georgiev. Vorgriechische Sprachwissenschaft, II. Sofia, 1945, стр. 194, 195.

¹⁹ Там же, стр. 183.

²⁰ Vl. Georgiev. La toponymie ancienne... , стр. 44.

²¹ Vl. Georgiev. Vorgriechische Sprachwissenschaft, II, стр. 189.

Число примеров игнорирования ареальных характеристик в работах Георгиева и его последователей может быть увеличено.

в) Напротив, при отсутствии указанных моментов и двусмысленности словообразовательного типа наличие соотносимого греческого апеллатива в отдельных случаях указывает на чисто греческое происхождение. Греческое происхождение ю.-балк. Κηττοί и Σφηττοί — названия демонов в Аттике — вполне вероятно. Оба являются дериватами на *-ιο* от основ на глухой смычный: первое увязывается с греч. κήξ, κηκ-ός 'вид морской птицы', ср. ион. καύξ, καυήκος то же (т. е. **kāwāk-io* > Κηττο-), второе — с σφήξ, σφηκ-ός 'оса' (т. е. **sphāk-io* > Σφηττο-)²². Между прочим, Фик²³, единственно исходя из форманта ττ, квалифицировал данные топонимы в качестве догреческих.

7. Как уже упоминалось, в процессе этимологизирования необходимо определение типа семантической мотивации и структурно-типологического облика сопоставляемых топонимов. Так, в догреческой субстратной топонимии анатолийского происхождения довольно четко выступают два семантических разряда:

1) этнонимические, с подтипом этно-теофорные, основы, т. е. основы, образованные от имен богов и употребляемые в качестве этнических наименований: **Luk(a/i)*- в догреч. Λυκαῖονα — более древнее название Аркадии, тождественное названию позднелувийской области, восходящему к анат. (лув.) этнониму **Lukā-wana/i*- букв. 'житель страны **Lukā*', зафиксированному в греческой передаче Λυκάϊονες 'народ, обитавший в Ликийи, гесп. Ликаонии', далее см. в пункте 3; **Kar*- в догреч. Κάρια — название акрополя в Мегарах, тождественное названию государства на юго-западе Малой Азии, ср. хеттское название той же страны — *Karkiša* и *Karkija*, возможно в догреч. Κάρυστος, Κάρυαι, Καρυάται, данная основа соотносится с именем лувийского иероглифического божества **Kar-huša*, ср. лув. иер. *huša*- 'дед', и именем «азианического» божества *Kar-zi*; **Ma(w)*- в догреч. Μαυός, ср. имя карийского царя Μαυσ(σ)ωλ(λ)ος, лик. личное имя Μαυσολος, имя лидийской богини матери **Mavš*, отраженное во многих малоазийских личных именах;

2) чисто теофорные: основа **Mas*- в догреч. Μάσης, -ητος, хеттском топониме *Māša* и во множестве ранне- и позднеанатолийских личных имен, неосложненная или с различными распространителями, ср. милийск. *masa-iz* (мн. ч.) = лик. *mahana* 'бог', лув. *maššani/a*- то же и т. д.; **Taw*- в догреч. Ταῦ-γετον, личном имени Ταῦ-γετος, м.-аз. Τάου-ιον, Ταυ-ία, в первом компоненте лик. ЛИ *Ddawā-hāma* и т. д., ср. лид. *tavša*- 'большой, мощный', всегда употребляемое в качестве эпитета бога, например *civš tavšas* = θεός μέγας, + *ldāns tavšas*, далее ср. глоссы Гесихия ταύς· μέγας, πολύς и ταύζας· μεγαλυνας, πλεονάσας; в религиозной сфере употреб-

²² См.: V l . G e o r g i e v . La toponymie ancienne. . . , стр. 42.

²³ А. F i c k . Указ. соч., стр. 83, 129.

ляется и основа **Ida-*, отраженная в догреч. $\iota\delta\eta$, дор. $\iota\delta\alpha$ и в большом числе малоазийских личных имен — $\iota\delta\alpha\text{-}\tau\omega\eta\varsigma < *Ida\text{-}t\omega\eta$, букв. 'созданный богиней Идой', $\iota\delta\alpha\text{-}\rho\omega\eta < *Ida\text{-}r\omega\eta$, букв. 'бог **Ruwa-*, обитающий на горе Иде' или 'гора — лес бога **Ruwa-*', ср. догреч. $\iota\delta\eta$ 'лесистая гора, (горный) лес, корабельный лес'.

Что касается структурно-типологических параллелей, то прекрасным примером служит упоминавшееся догреч. $\tau\alpha\upsilon\text{-}\gamma\epsilon\tau\omega\nu\varsigma$, которое полностью семантически и структурно эквивалентно м.-аз. $\mu\omega\alpha\text{-}\gamma\epsilon\tau\eta\varsigma$ — имя тирана из Кибюра, etc. ($\mu\omega\alpha < *muwa$ 'мощь, сила'); если элемент $\gamma\epsilon\tau$ соотносится с хет. $k|gatta$ 'царь', заимствованным из хаттского, то правомерно догреческий топоним интерпретировать как '(гора) могучий царь', а м.-аз. ЛИ — 'царь, обладающий мощью (магической, военной)'.

8. Важнейшим формальным (фонетическим) критерием при разграничении лингвистических слоев в промежуточном индоевропейском субстрате оказывается отсутствие закономерностей типа «передвижения согласных» и тенденции к ассимиляции палаталей в анатолийском слое в противоположность наличию таковых в «пеласгском» Вл. Георгиева; примеров анатолийского слоя выше приведено достаточно.

9. В заключение необходимо подчеркнуть, что лингвистическая принадлежность топонима, как, впрочем, и любого слова, не всегда совпадает с этнической, например, с нашей точки зрения, догреч. $\Lambda\alpha\beta\rho\rho\iota\nu\delta\omicron\varsigma$, принесенное на юг Балканского п-ова хеттоязычными (т. е. индоевропейскими) племенами, пришедшими из Анатолии (ср. кар. $\Lambda\alpha\beta\rho\alpha(v)\nu\delta\alpha$ etc. < кар. туземн. **Labravnta* (анат. **Labra-wanda*), соотносится с лид. $\lambda\alpha\beta\rho\rho\varsigma$ 'двойной топор', лик. В *labra* 'камень'²⁴, в то же время генетически восходит к доиндоевропейскому лингвистическому слою Анатолии; на это указывает мена $d:l$ в догреческом (ср. линейное В $da\text{-}pu_2\text{-}ri\text{-}to\text{-}jo$), что позволяет сопоставить догреческое слово и его анатолийские соответствия с титулом хеттских царей, заимствованным из хаттского, $T/Labarna$.

²⁴ А. А. Королев, В. В. Шеворошкин. Милийские этимологии. — «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии. Программа. Тезисы докладов». М., 1966, стр. 43.